

— Зима на исходе, и до праздника совсем недолго осталось. Почему бы вам не встретить Новый год здесь? — Чёрный змей сиял от восторга, точно ребёнок, приведший друзей домой поиграть.
— У нас в это время очень весело: еды вдоволь, а ещё будут фейерверки.

Чу Ханьюэ прикинул сроки — действительно, разумнее было дожидаться результатов на месте. Но он никогда прежде не праздновал Новый год за пределами горы Юньцзянь, поэтому всё ещё колебался.

В этот момент Цинь Фэн, не сводя глаз с Фэн Маньло, подал голос:

— Глава Фэн, говорят, вам уже за пятьсот лет, а выглядите вы совсем юным. Не слышал я, чтобы путь бессмертия давал такое долголетие. Уж не тёмным ли колдовством вы балуетесь?

Стоило ему договорить, как все присутствующие разом изменились в лице. Чёрный змей хотел было наброситься на него, но, помня о силе противника, лишь побагровел от ярости. Фэн Маньло стал ещё бледнее, хотя внешне сохранял невозмутимость.

Чу Ханьюэ бросил на ученика строгий взгляд и оборвал его:

— Не смей дерзить.

Отчитав Цинь Фэна, он обратился к главе Секты Ваньшань с извинениями:

— Мой непутёвый ученик ещё слишком юн и порой говорит не думая. Прошу, не держите на него зла.

— Верно, — поддакнул Цинь Фэн, закивав. — Устами младенца глаголет истина. Глава ведь не станет обижаться на ребёнка?

Услышав про «младенца», Чёрный змей едва не закатил глаза к самому небу. «Ну и бесстыдство!» — пронеслось у него в голове.

Фэн Маньло лишь мягко улыбнулся:

— Пустяки. Я не в обиде.

Обменявшись с хозяином ещё парой вежливых фраз, Чу Ханьюэ отправился в гостевые покои вслед за учеником, что вёл их ранее.

Воздух здесь был тяжёлым, пропитанным сыростью, и этот запах вызывал у Чу Ханьюэ безотчётное раздражение. Он подошёл к окну и распахнул створки. Снаружи клубился густой

туман, сквозь который едва проглядывали очертания горных пиков. На склонах виднелись домики — должно быть, жилища адептов Секты Ваньшань.

— На что ты там смотришь?

Чу Ханьюэ почувствовал, как чьи-то руки обхватили его со спины. По одному лишь дыханию он понял — это Бессмертный почтенный Хуаян. Он удивлённо приподнял бровь, но оборачиваться не стал, делая вид, что ему всё равно.

— Ни на что я не смотрю.

— Скучал по мне? — Цинь Фэн склонился и запечатлел поцелуй на его щеке. — Один день в разлуке — точно три долгие осени. Мы не виделись целую вечность, а ты всё так же холоден. Неужели совсем не думал о своём муже?

— Какая нелепость. С чего бы мне о тебе думать? И чьим это мужем ты себя возомнил? — Чу Ханьюэ дёрнул плечом, высвобождаясь. — Говорил, что занят и прийти не сможешь, но не прошло и трёх дней, как ты уже здесь. Боюсь, почтенный совсем голову потерял от страсти.

— Я и впрямь лишился рассудка, — Цинь Фэн прижал его к оконной раме, не давая уйти. — Но виной тому лишь ты. Ты так прекрасен, что я не могу выкинуть тебя из головы ни на мгновение. О делах и думать тошно.

Чу Ханьюэ нахмурился, пытаясь отстраниться. Дерево под его спиной жалобно скрипнуло. Он напрочь забыл, что находится в сновидении, и замер, боясь сломать чужую мебель.

— Выходит, теперь ты меня винишь? Что ж, может, мне изуродовать лицо, чтобы почтенный наконец пришёл в себя?

— Не смей даже шутить так, — тут же сдался Цинь Фэн. — Почему ты всегда такой кровожадный?

Чу Ханьюэ оттолкнул его, выпрямился и уселся за стол. Он налил себе чаю, но не успел поднести пиалу к губам — Цинь Фэн перехватил её и выпил сам.

Ханьюэ смерил его ледяным взглядом.

— Я только вошёл в комнату и ещё не успел уснуть. Ты специально погрузил меня в сон своими чарами?

— Вовсе нет. Ты просто слишком устал, — Цинь Фэн присел рядом и коснулся его волос. — В мире грёз трудно вспомнить, что именно ты делал перед тем, как забыться. Ты просто не

заметил, как провалился в сон.

Чу Ханьюэ окончательно запутался в его рассуждениях и решил не гадать, лжёт почтенный или нет.

— Зачем ты явился в мой сон на этот раз?

— А ты как думаешь? — Цинь Фэн коснулся его подбородка, и в его голосе зазвучали двусмысленные нотки. — Я полагал, ты уже привык.

— Пошляк, — Чу Ханьюэ отпрянул, уклоняясь от прикосновения.

Цинь Фэн рассмеялся.

— Да шучу я. Сегодня я и впрямь пришёл поговорить.

Чу Ханьюэ посмотрел на него с недоверием.

— Опять хочешь поделиться божественной силой? Мне пока достаточно.

— Это само собой, но прежде — другое, — Цинь Фэн поспешно поймал его за руку, видя, что тот снова закипает. — Я хотел предупредить: здесь таится опасность. Будь начеку.

Только сейчас Чу Ханьюэ осознал, что и сам подсознательно ждал этой встречи. Всего пара дней без прикосновений Цинь Фэна — и вот он уже не хочет выпускать его ладонь из своей. Он всегда убеждал себя, что делает это против воли, но тело раз за разом предавало его разум.

Заметив, что Ханьюэ задумался, Цинь Фэн помахал рукой перед его лицом.

— Что такое? Не хочешь слушать нравоучения? Тогда перейдём сразу к делу.

— Что?!

Чу Ханьюэ не успел опомниться, как его подхватили на руки и усадили прямо на стол. В порыве негодования он наотмашь вlepил Цинь Фэну пощёчину. Звук удара эхом разнёсся по комнате.

Ханьюэ замер, глядя на свою ладонь, а затем — на реакцию почтенного. Холодный пот прошиб его: он только что ударил божество! В памяти всплыли предания о гневе небожителей, карающих смертных за малейшее неуважение. Конечно, Цинь Фэн делил с ним ложе во снах, но это не давало права бить его по лицу.

— Что ты так на меня смотришь? — Цинь Фэн взял его за ту самую руку и мягко коснулся губами ладони. — Боишься? Ты и раньше посылал меня к чёрту, и даже пинал. Если бы я злился на тебя, разве терпел бы до сих пор?

Чу Ханьюэ с трудом сглотнул.

— Да когда это я в тебя попадал? Ты вечно перехватывал мои удары.

— Не ожидал, что в этот раз я не стану уклоняться? — Цинь Фэн улыбнулся, прижимая его холодную ладонь к своей щеке, чтобы согреть.

Видя, что гроза миновала, Ханьюэ расслабился и отвернулся.

— Только... только не здесь. Не на столе.

— И где же тогда? — Цинь Фэн вкрадчиво прошептал ему на ухо. — Скажи мне, где ты хочешь?

Чу Ханьюэ почувствовал, как краснеют уши. Бархатистый, низкий голос будил в душе запретные чувства.

— Нигде нельзя...

Цинь Фэн лукаво прищурился.

— Раз не говоришь, значит, останемся здесь...

— Идём на кровать, — едва слышно проронил Чу Ханьюэ.

На этот раз он почти не сопротивлялся. Как бы тяжело ни было это признавать, в глубине души он ждал этого. Совсем чуть-чуть.

Мысль о том, что они творят подобное в чужом доме, жгла его стыдом. Ханьюэ до боли закусил губу, сдерживая рвущиеся наружу стоны. Когда всё закончилось, он без сил уткнулся лицом в подушку, не желая шевелиться.

— Что будет, если уснуть внутри сна?

— Сон во сне? Что ж, быть может, я приснюсь тебе снова, — Цинь Фэн ласково погладил его по волосам. — Мне пора. Все эти дни я буду рядом, чтобы защитить тебя, так что не тревожься.

— Рядом? — голос Чу Ханьюэ звучал сонно и мягко, утратив привычную ледяную строгость. — Мы увидимся наяву?

Цинь Фэн покачал головой.

— Нет. Смертным не дано узреть мой истинный облик.

— Почему? — пробормотал Ханьюэ.

Цинь Фэн запечатлел прощальный поцелуй на его лбу.

— Узнаешь, когда сам обретёшь бессмертие.

<http://bllate.org/book/17570/1657895>